

Карева слушает жена президента

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ФЕСТИВАЛЮ

Закончился ярославский пятый Международный фестиваль органной музыки имени Леониды Ройзмана. Воскресным вечером партнером «короля инструментов» стал губернаторский симфонический оркестр под управлением Мурада Аннамамедова (дирижер Сергей Оселков). Это был вечер премьер. Одну из них – первого в Ярославле исполнения Концерта № 1 чеха Й. Рейнбергера – привез из Парижа профессор Леонид Карев. Интервью у молодого музыканта взял корреспондент «Северного края».

– Вы, Леонид Алексеевич, воспитанник двух факультетов Московской консерватории, двух высших коллегей во Франции, штатный органист храма Успения Богородицы в Париже, композитор и концертирующий исполнитель. И это в 36 лет. Можно ли сказать, что вы сделали карьеру?

– О карьере говорить можно. Ничего греховного для церковного органиста в этом слове, думаю, нет. Будучи верующим, музыкой служу Господу и в храме, и в миру. Продолжаю играть на фортепьяно, в том числе и собственные сочинения, выступаю с певцами и в камерных ансамблях. Как большинство коллег, преподаю – веду профессорскую кафедру в консерватории города Йерра.

– Как нетрудно догадаться, вы человек православный. А служите в храме католическом...

– Никакого греха в том тоже нет. Я обсуждал сей деликатный вопрос с друзьями, православными и католическими священниками. Между двумя верованиями разница не настолько велика, и так как я – простите за невольный каламбур – к таинству причастия непричастен, никакого запрета на то, чтобы православный играл для католиков, быть не может.

– Вы крещены в Москве?

– Да, в перестройку, еще до консерватории, и с увлечением органом то событие в моей жизни никак не связано. Интерес к органу поначалу был у меня исключительно музыкальный.

– Храм Успения где в Париже находится?

– Возле Трокадеро – тем, кому Париж знаком, понятно, где это. А для широкой публики дам другой ориентир: недалеко от Булонского леса. Храм, как бы мы сказали, приходской. Старинный. Не самый известный по архитектурным достоинствам. Но сюда на рождественские мессы собирается людей больше, чем в легендарном Нотрдэме, соборе Парижской Богоматери.

– Почему так?

– Приход большой, в квар-

талах возле Булонского леса живет много богатых буржуа, это сословие во Франции самое верующее.

– Не бывает ли среди ва-

Фото Анны СОЛОВЬЕВОЙ

ших слушателей прихожан с известными именами?

– Назову, например, потомков писателя-моралиста Ларошфуко. К нам часто заходит жена нынешнего президента Франции – поблизости живут ее родственники. Мадам Ширак у нас бывает по-домашнему.

– Что за орган в храме Успения Богородицы? Его можно сравнить с ярославским?

– Он вышел из мастерской виднейшего органостроителя романтической эпохи, XIX века, Аристида Каваиколья, чей инструмент, к слову, установлен в Большом зале Московской консерватории. В прошлом столетии наш парижский сильно увеличили, добавили регистры, стал он инструментом более-менее симфоническим. По возможностям он очень даже близок к органу вашего Собиновского зала. Только

стиль, конечно, другой. В Ярославле он в целом более строгий, я бы сказал, «немецкий».

– Игра в храме доход приносит?

– Безусловно, я играю небесплатно. Во Франции, как и повсюду, бесплатно только птички щебечут. На храмовые заработки особенно не разбежишься. Доход приносит, или, выражаясь по-русски, кормит, всё вместе – композиция, концерты, педагогика.

– Многих интересует, в Париж вы как попали.

– Приехал из Московской консерватории продолжать образование.

личии имеются, движения не вымученные, то в принципе на органе играть даже легче, чем на фортепьяно, поскольку от силы удара по клавише органичный звук не зависит. В то время как, исполняя Рахманинова или Листа, выкладываться надо до седьмого пота.

– Позвольте несколько мирских вопросов о житье-бытье в Париже органиста Карева.

– Пожалуйста.

– Дома у вас орган есть?

– Кабинетный, старой французской фирмы «Александр». Его я бы сравнил с тем, какой появился недавно в ярослав-

– У вас весьма спортивная выправка. А тут фирменными секретами располагаете?

– Коротко об этом не скажешь. Самое главное, по-моему, не переесть.

– Без чего холодильник считаете пустым?

– Без апельсинового сока.

– В кино ходите?

– А как же, телевизора дома у меня нет.

– Какую книжку в последнее время прочли с особым интересом?

– В Москве случайно купил монографию великого петербургского композитора Геннадия Баншикова «Основы функциональной оркестровки». Прочел не только с огромным интересом, но и с практической пользой для себя.

– А какое в жизни у вас было последнее крупное разочарование?

– Учусь жить так, чтобы не разочаровываться. Если подобное и случается, то обычно причин на стороне не ищу и почти всегда оказываюсь прав.

– В афише ярославского фестиваля есть фрагменты из оперы Римского-Корсакова «Сказание о граде Китеже». Русская музыка и – детище католического Запада орган, их «брак» по любви или по расчету?

– Отечественная классика мало что достойного может предложить для органа, шедевров почти нет, вопреки тому, что для него писали такие корифеи, как Глазунов и Танеев. Приходится браться за переложения, чтобы заполнить пробел. А что получается, не мне судить.

Спросили мы гостя из Франции и о погоде. Крещенские морозы на родине Бизе и Гуно выглядят так:

– В дорогу пришлось захватить зонтик. В день вылета в Париже шел дождь.

– В штабной комнате фестиваля нас познакомили с вашей мамой. Может быть, кто-то еще есть у вас в группе поддержки?

– Больше никого. Только мама. По профессии она не музыкант, а врач, но дело не в этом. С тех пор как я несколько лет назад переехал в Париж, мы с родителями видимся совсем редко. Вот и позвал маму в ярославскую поездку. И, конечно, не жалею. Ее присутствие бодрит и вдохновляет не меньше арктических холодов и вполне бодрящего – два концерта за три дня, не считая репетиций, – творческого тонуса ярославского фестиваля.

С гостем общался
Юлиан НАДЕЖДИН.

Органист храма Успения Богородицы в Париже профессор Леонид Карев осваивает ярославский орган.

– Рисковали?

– Пожалуй, да, потому что я был тогда еще студентом.

– Каким-то секретом успеха поделиться смогли бы?

– Наверное, он в том, чтобы от музыки испытывать удовольствие самому. Тогда оно и слушателю передается. Точно так же и с педагогикой. Ничего не получится, если нет у тебя к ней артистического интереса, когда затронута и сердце.

– Труд оперного певца приравнивают по тяжести к труду портового грузчика. Можно ли то же сказать об органистах?

– Вполне. Но с одной поправкой. Когда пианисты пересаживаются за орган, то поначалу – да, «король» многих утомляет. А затем все решают техника, школа. Если они в на-

ском музее «Музыка и время».

– Что предпочитаете слушать на досуге?

– Эфир и в Париже, прежде всего автомобильный, изрядно засорен попсой. Так что предпочитаю слушать классику, и не потому, что не признаю джаз или рок. Просто делаю свой выбор. Слушаю радио. Во Франции классическая музыка звучит по двум национальным каналам.

– А в ней что больше любите?

– Непристрастен, как другие коллеги, к музыке барокко, Возрождения или к современной. Для души слушаю по настроению. Временами влюбляюсь в того или иного композитора. Как сейчас в Яна Сибелиуса после недавней поездки в Финляндию.